

В целом, эти изменения являлись составной частью более масштабных социальных процессов, протекавших в Степном крае в начале XX в., благодаря которым социальная структура населения Сибирского казачьего войска приобретала все более сложный характер.

Библиографический список

1. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1899. — Омск, 1900. — Ч.2 (гражданская). — С. 21.
2. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.367. Л.280.
3. Государственный архив Омской области. Ф.6. Оп.1. Д.288. Л.10-11; Ф.67. Оп.1. Д.453. Л.15, 17-18, 22-24, 28 об.-31; Д.496. Л.264 об., 266 об., 271, 280 об.; Отчет военного министерства за 1860 и 1861 гг. // Военный сборник. — 1863. — № 12. — С. 542.
4. Усов Ф.Н. Статистическое описание Сибирского казачьего войска/ Ф.Н. Усов. — СПб, 1879. — С.86-88.
5. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.1597. Л.4-4об.
6. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.1306. Л.90-91, 387-388.
7. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1905 год. — Омск, 1906. — Ч.2 (гражданская). — С.14-15.
8. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1908 год. — Омск, 1909. — Ч.2 (гражданская). — С.18.
9. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 год. — Омск, 1915. — Ч.2 (гражданская). — С.16.
10. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1902 год. — Омск, 1903. — Ч.2 (гражданская). — С.30.
11. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1897 год. — Омск, 1898. — Ч.2 (гражданская). — С.12.
12. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1894 год. — Омск, 1895. — Ч.2 (гражданская). — С.26.
13. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1907 год. — Омск, 1908. — Ч.2 (гражданская). — Приложения. Ведомость № 2.
14. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1898 год. — Омск, 1899. — Ч.2 (гражданская). — С.85.
15. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1900 год. — Омск, 1901. — Ч.2 (гражданская). — С. 35.
16. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. — СПб, 1903. — Т.18. Киргизский край. — С.190.
17. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.591. Л.1101об.
18. Государственный архив Омской области. Ф.67. Оп.1. Д.1305. Л.16-17, 125-128, 188-191.
19. Всеподданнейший отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1978 г. — Омск, 1879. — С.11.
20. Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1915 год. — Омск, 1916. — Ч.2 (гражданская). — С.13.

АНДРЕЕВ Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и политологии.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.02.06 г.
© Андреев С.М.

УДК 94/99

Ю. Н. КРЯЖЕВ

Курганский государственный университет

МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ И ПЕРВЫЙ ОПЫТ РОССИЙСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ В НАЧАЛЕ XX В.

Данная статья посвящена 100-летию начала работы первого российского парламента — Государственной думы. В статье оценивается не только ее значение для модернизации России, но и анализируются отечественный опыт становления парламентаризма в начале XX в., проблемы противостояния общества и власти, взаимоотношения в этот период трех главных политических сил в стране — монархии, правительства и Думы — от которых зависело, по какому пути пойдет процесс обновления России в начале XX в.

Развитию российского парламентаризма были присущи особенности, наложившие заметный отпечаток как на работу Государственной думы, так и на общественно-политическое развитие страны в целом. Во-первых, эволюция Думы шла по линии ее постепенного сползания вправо: чем больше набиралась она опыта, чем совершеннее и профессиональнее была ее деятельность, тем более консервативной становилась она и по своему составу, и по господствовавшим в ней идеям. В этом смысле первая и вторая Думы были значительно более левыми, чем третья и особенно четвертая. Во-вторых, ока-

завшись под сильным давлением властей и общей чрезвычайно сложной и крайне противоречивой ситуации в стране, Дума так и не стала в достаточной мере независимым и по-настоящему законодательным учреждением. Противостояние между Думой и правительством не только не спадало, но и постоянно нарастало. В-третьих, влияние Думы на общественные процессы в стране и особенно на ход реформ было явно недостаточным.

Все это вместе взятое привело к тому, что в российском общественном мнении, да и среди самих думцев нередко проявлялось крайне негативное отно-

шение к этому представительному учреждению, мало кто из серьезных общественных и государственных деятелей связывал судьбу страны с деятельностью Думы.

В историографии также существует тезис, что реформистский путь для России изначально был обречен на неуспех, что иной альтернативы, кроме революции, у нашей страны не было. Вся история Думы, равно как и все, что происходило в ней и в связи с нею, неопровержимо доказывает, что уже в силу объективного хода вещей буржуазия не могла стать законным наследником царизма и вывести страну из тупика. Единственный путь к обновлению и подлинному прогрессу России сторонники этого тезиса видели в революции.

В этой связи высказывалось несогласие с теми историками, главным образом западноевропейскими и американскими, которые не исключали возможности модернизации России, ее перехода на парламентский путь развития при сохранении конституционной монархии. И если этого не произошло, считали они, то вовсе не потому, что в России не было для этого необходимых объективных условий, а в силу субъективных ошибок и просчетов тех, кто стоял во главе обновленческого процесса, но не смог довести его до успешного завершения.

Тезис, что в России могла победить лишь модель общественного развития, связанная исключительно с революционным взрывом, ведущим к социалистическим преобразованиям, и полностью отрицающая эволюционный путь, фактически не оставляла места для беспристрастного, объективного и всестороннего рассмотрения деятельности первого российского парламента, как и открывавшихся в связи с его возникновением возможностей постепенного превращения страны в современное цивилизованное государство.

Перед Россией XX в. реально стояли не один, а два возможных пути развития: путь революционного свержения существующего строя и путь мирного преобразования общества и государства. Появление и деятельность Государственной думы отвечали настроениям той части российского общества, которая ориентировалась на мирный путь общественного развития, каковой должен был существенно изменить социальный и политический облик страны, при этом не разрушая ее многовековых традиций и уклада, в том числе не уничтожая, а модернизируя монархию в соответствии с современными требованиями, освобождая ее от совершенно архаических черт и институтов.

Как бы ни относиться к Думе и сколько бы ни критиковать ее деятельность, нельзя не признать, что это первое в России народное представительство стояло на почве общественного прогресса страны, осуществляемого исключительно в рамках конституционных принципов и норм. Дума стремилась — и немало делала для этого — внести определенное умиротворение в общество, не усугублять, а смягчать отношения между обществом и властью. И если ей не удалось этого добиться, то вовсе не только из-за того, что она плохо работала или, по известным утверждениям, с самого начала выступала будто бы против реформ, сознательно мешая их осуществлению. Такой подход не учитывает всей сложности политической ситуации, весьма непростого расклада сил.

Политическая жизнь России в этот период представляла собой чрезвычайно пеструю и многоцветную картину, которая к тому же все время меня-

лась, как в калейдоскопе. За событиями, разворачивавшимися в российском обществе и все более усиливавшими его разобщенность и раскол, современники не всегда могли достаточно четко и с высокой степенью определенности увидеть подлинные интересы и истинные цели общественно-политических сил, партий, организаций и отдельных личностей. Сам «расклад» этих сил нередко оказывался настолько неожиданным, непривычным и непредвиденным, что приводил в замешательство даже тех, кто любой разворот событий пытался объяснить исторической целесообразностью и причинно-следственной обусловленностью.

Российская действительность во многом нарушала привычные схемы, не всегда вписывалась в прокрустово ложе шаблонных подходов и трафаретных оценок. В России как бы происходил невиданный в истории общественно-исторический эксперимент, отличавшийся как своей самобытностью и своеобразием, так и известной таинственностью. Результаты этого эксперимента невозможно было предвидеть. И не было красок, способных передать все оттенки той, драматической ситуации, в которой оказалась страна, по существу еще только готовившаяся вступить на путь подлинного обновления и модернизации всех сторон государственной и общественной жизни.

Самое, пожалуй, драматическое состояло в том, что всякий раз, когда в политической борьбе наступало хотя бы небольшое затишье и между обществом и властью устанавливалось хрупкое согласие, позволяющее успешно продвигаться вперед по пути преобразований, так тут же появлялись силы, словно специально предназначенные для того, чтобы не допустить национального единения, вызывать смуту и держать общество в постоянном напряжении. Причем в этих стараниях — и это тоже одно из проявлений специфики политической жизни России — крайне правые нередко смыкались с крайне левыми, силы реакции и силы революции действовали как бы по единому плану, находясь в одной упряжке.

Каким представляется этот расклад сил, каждая из которых выражала определенное направление развития страны? После того как затихли революционные бури 1905-1907 гг., изрядно потрепавшие государственный корабль, и наступило относительное политическое затишье, многие партии, движения и организации всерьез задумались над тем, что же станет с Россией, как пойдет ее развитие дальше, что ожидает ее в ближайшем будущем, какова ее историческая судьба, и, конечно, над тем, что следовало бы предпринять, чтобы остановить процесс разрушения и перейти к созиданию новой России. К этому времени сложились три главных центра, или полюса, сил, от взаимоотношений между которыми зависело состояние дел в государстве. Этими силами были монархия, правительство и Дума.

При всех различиях и даже разногласиях, которые объективно влияли на эти отношения, было и нечто более существенное, что должно было их объединять. При правильном подходе и объективном учете реальных обстоятельств, исходя из интересов государства и народов России, согласие между этими тремя силами было вполне возможно. Оно могло быть достигнуто при условии, во-первых, осознания необходимости перемен в политическом строе в связи с учреждением народного представительства в лице Государственной думы и приданием российской монархии статуса конституционной, а во-вторых,

уверенности в том, что модернизация российского общества будет достигаться мирными конституционными методами.

На этой базе вполне возможно было построить эффективное сотрудничество трех сил, в ходе которого постепенно была бы выработана модель политического переустройства общества и программа социально-экономических преобразований, способных придать России новые стимулы для развития и вывести ее на качественно новый виток политического, экономического и социального прогресса. Казалось, что каждая из ветвей власти понимает важность и эффективность такого сотрудничества в интересах России. Председатель III и IV Дум М.В. Родзянко утверждал, что ориентированная на мирный путь развития реформ Дума «основой своей работы положила убеждение в необходимости вести страну путем эволюции, но не революции, к развитию либеральных реформ»¹. Председатель Совета министров П.А. Столыпин, сменивший на этом посту после роспуска I Думы Горемыкина, прекрасно понимал, что без стабилизации политической обстановки в стране реформы в экономической и социальной сферах не дадут желаемых результатов. А это возможно лишь при условии налаживания отношений между правительством и Думой, чтобы эти отношения носили не конфронтационный, а более или менее конструктивный характер. В этом он стремился убедить и Николая II. Показательно в этом отношении письмо Столыпина к Николаю II от 9 ноября 1907 г., в котором, в частности, говорится: «Очень благодарен Вашему величеству, что Вы изволили заблаговременно сообщить мне решение Ваше не принимать теперь Государственной думы. Я немедленно через преданных людей принял меры к тому, чтобы во всеподданнейшем адресе просьба об этом была выражена в более общих выражениях, дабы неприєм Думы не имел характера отказа в приеме со стороны Вашего величества. Конечно, ни одной душе неизвестно, что мною что-либо докладывалось об этом Вашему величеству. Вместе с тем почитаю долгом своим не скрыть от Вашего величества, что у большинства членов Государственной думы желание видеть своего царя самое горячее и искреннее. Это все люди земли, одушевленные к Вашему величеству лучшими верноподданическими чувствами. Независимо от их будущей думской работы, они сами по себе достойны милостивого внимания Вашего величества.

Простите, государь, что смею высказать свое мнение, но пишу это в надежде, что Ваше величество не изволит, быть может, отказаться от первоначального своего намерения принять членов Думы отдельными группами»².

Однако и мирный путь развития России, и сотрудничество между указанными силами не получили своего воплощения на практике. Как это ни парадоксально, но в неприятии такого именно — мирного — пути для России фактически сошлись крайне правые и крайне левые силы. Первые боялись утратить свое влияние, положение и престиж в обществе, а позиция вторых объяснялась их историческим нетерпением, нежеланием считаться с объективным и естественным ходом общественного развития, стремлением искусственно форсировать события. Силы, признававшие единственной формой государственности в России абсолютизм, если и допускали народное представительство, то лишь в качестве законосовещательного органа, избирательное же право строили на сословных и классовых началах³.

Иногда в исторических мемуарах в качестве особой и даже самостоятельной силы выделяется окружение Николая II, его многочисленные наставники и советники, так называемая придворная камарилья, влиянию которой на государственные дела нередко придается преувеличенное значение. Ей иногда отводят чуть ли не такую же роль, как правительству, а то и ставят выше его, утверждая, что при самодержавном режиме существуют как бы два правительства: одно официальное — кабинет министров, другое неофициальное, закулисное — придворная камарилья.

Нисколько не принижая пагубного влияния этих сил, нельзя вместе с тем не видеть и того, что место их в обществе и роль были значимы в той мере, в которой это соответствовало желаниям и устремлениям самого Николая II. Группировавшиеся вокруг него лица влияли на развитие событий тогда и постольку, когда и поскольку они отражали и выражали взгляды Николая II и соответствовали его собственному видению государственных дел и развития событий.

Нельзя не согласиться с Е.В. Тарле, который, критикуя С.Ю. Витте за его традиционно шаблонный подход к объяснению причин, по которым Николай II приближал к себе те или иные фигуры, справедливо заметил: «Все это тот прочно утвердившийся лубок, который, собственно, не в состоянии выдержать даже первого прикосновения критического анализа. Почему на императора Николая всегда «имели влияние» только такие ротмистры или гадалки, или тибетские врачи, которые говорили и были готовы делать, то, чего твердо желал еще до их пришествия сам Николай; почему ни разу не было такого ротмистра или прорицателя, или колдуна, который хоть в чем-нибудь разошелся бы с пристрастиями императора Николая II и хоть один день после этого сохранил бы «влияние»; каким образом «некий отставной ротмистр» мог без малейшего труда побороть Витте, не представляя собою и не имея за собою абсолютно никакой собственной силы, никакого значения, будучи в петербургском свете полным нулем во всех отношениях, — все эти вопросы ничуть Витте не беспокоят»⁴.

Отношения между тремя силами все чаще определяли взаимное недоверие и подозрительность. Николай II не доверял до конца правительству. Отсюда постоянная перетряска кабинета министров, назначения на ключевые посты людей, малопригодных для ведения государственных дел, а нередко и просто скомпрометировавших себя на прежних должностях. Николай II, часто с подачи своего окружения и правительственных чиновников, крайне настороженно и недоброжелательно, если не сказать злобно, относился к Думе. Определенное недоверие царя к Думе объяснялось еще одним обстоятельством. В позиции многих депутатов, представлявших главным образом либеральные взгляды, он усматривал явное тяготение к Западу и известное пренебрежение к русским историческим традициям и российским ценностям. Его раздражали постоянные обращения к опыту Запада, стремление перенести на российскую почву модели развития, формы и методы управления государством, выработанные в иных условиях и отвечавшие интересам и требованиям — той цивилизации, которая во многих своих чертах и проявлениях отличалась от того, чем жил и о чем мечтал российский самодержец. У России, считал он, своя судьба, и он верил в эту судьбу.

Правда, к III Думе Николай II был более снисходителен. Он даже считал для себя необходимым прибыть на ее заключительное заседание и выступить с речью. Это была единственная из четырех Дум, которая просуществовала весь предусмотренный законом пятилетний срок. Первая Дума работала всего 72 дня, вторая чуть больше — 103 дня (обе были распущены), а последняя, четвертая, просуществовав без малого пять лет, формально прекратила свою деятельность 6 октября 1917 года.

Выступая перед депутатами III Думы, Николай II высказал свое удовлетворение тем, что Дума, несмотря на то что ее работы, как он выразился «часто отличались излишней страстностью», приняла ряд важных законов о землеустройстве, народном образовании, по вопросам обороны государства⁵. Однако председатель Думы Родзянко полагал, что при прощальной аудиенции перед роспуском III Думы царь в своем прощальном слове не проявил благосклонности, и депутаты, не чувствовавшие за собой никакой вины и ожидавшие иного к себе отношения со стороны верховной власти, разъехались огорченные и оскорбленные⁶. Очевидно, Родзянко имел в виду ту часть речи Николая II, где было сказано: «В течение 5 лет я внимательно следил за работами в Государственной думе и не скрою от вас, господа, что некоторые дела получили не желательное для меня направление»⁷. Родзянко понимал, что вслед за III Думой придет четвертая, которая по своему составу будет значительно правее. Именно так и произошло, ибо в ходе избирательной кампании были пущены в ход все средства, чтобы не допустить в Думу прогрессивно мыслящих депутатов.

Неудовлетворенность работой Думы росла и в российском общественном мнении. Это было вызвано, в частности, тем, что не только Николай II и правительство, но и многие представители широких кругов общественности придерживались той точки зрения, что Дума, поставив себя в положение парламента западного типа и пытаясь осуществлять те же функции, по существу, не учитывала того важного обстоятельства, что парламентаризм не мог

в одночасье вписаться в российскую действительность, что этот процесс требует определенного, скорее всего, длительного времени, в ходе которого должен будет не только обновиться общественный и государственный строй России, но и измениться психология людей, которые могли бы спокойно воспринимать новые и непростые взаимоотношения между различными ветвями власти.

Любое форсирование событий могло лишь затормозить обновленческий процесс. Именно это и произошло. Каждая из политических сил, претендуя едва ли не на исключительную власть, ослабляла другие силы, ослабляла и себя. В этом проявилась определенная недалекость первого российского парламента, который в значительной мере по собственной вине не использовал того шанса, который дала ему история, и не оправдал всех надежд, которые связывали с Государственной думой подлинно прогрессивные и демократические силы России.

Библиографический список

1. Родзянко М.В. Государственная дума и Февральская 1917 г. революция. М.В. Родзянко. - Ростов на/Д., 1919. - С.8.
2. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф.601. Оп.1. Д.1352. Л.3.
3. Гучков А.И. Речь, произнесенная 5 ноября 1906 г. председателем Центрального комитета Союза 17 октября на общем собрании в Санкт-Петербурге в зале дворянского собрания/ А.И. Гучков. - М., 1906. - С.5.
4. Тарле Е. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики/ Е. Тарле. - Л., 1927. - С.41.
5. ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.57. Л.1.
6. Родзянко М.В. Указ. соч. С.8.
7. ГАРФ. Ф.555. Оп.1. Д.57. Л.1.

КРЯЖЕВ Юрий Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.02.06 г.
© Кряжев Ю.Н.

Книжная полка

Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сборник научных статей. К 50-летию со дня рождения профессора А.В. Ремнева / Под ред. Н.Г. Суворовой. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. — 600 с. (переплет).

Сборник статей объединяет авторов, работающих в рамках региональной истории Российской империи. Статьи связывает большая имперская тематика, которая в современной исторической науке приобрела особую актуальность. В отдельной главе представлены новые исследовательские подходы в изучении Российской империи. Азиатский регион Российской империи рассмотрен в различных контекстах: социальном, экономическом, этническом.

Сборник издается к 50-летию профессора Омского государственного университета А.В. Ремнева. В сборнике представлены биографический очерк и библиографический список научных и учебно-методических работ юбиляра.

Адресован исследователям истории Российской империи, может быть использован при подготовке учебных курсов, для написания диссертаций и дипломных работ, в качестве учебного пособия при чтении специальных курсов по региональной и национальной истории.

Античный вестник: Сборник научных трудов / Под ред. А.А. Елагиной. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. Вып. VII. — 208 с.

Сборник, подготовленный Омским отделением Российской ассоциацией антиковедов ИВИ РАН, отражает результаты исследований проблемных вопросов истории античной цивилизации: теорию и методы исследования, историографию и источниковедение, а также конкретную историю, право, филологию, философию, религию и культуру Греции и Рима.